УДК 329

Александр ШАПАРОВ

Екатерина СИНЬКОВА

ДЕМАРГИНАЛИЗАЦИЯ ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА В ЕВРОПЕЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Статья поступила в редакцию 10.04.2020

Аннотация. Второе десятилетие XXI в. характеризуется ростом влияния праворадикальных партий и движений в наиболее развитых странах Европы – Германии, Франции, Швеции, Австрии, Дании, Италии, Нидерландах, Норвегии, а также в странах Вишеградской группы. В 19 европейских государствах праворадикальные партии представлены в национальных парламентах. Серьезные электоральные успехи и расширение парламентского представительства праворадикальных партий на национальном и наднациональном уровне, а также их участие в деятельности правительств, позволяет говорить о важных институциональных изменениях в европейском политическом ландшафте. Правый радикализм уже стал частью европейских политических институтов. Цель работы: проанализировать причины и последствия демаргинализации правого радикализма в современной Европе. В статье на основе неоинституционального подхода рассмотрен феномен правого радикализма, эффекты «заражения справа» и институционального изоморфизма, охарактеризована электоральная динамика праворадикальных партий, предложены подходы к их классификации.

Ключевые слова: Европа, эффект «заражения справа», праворадикальные партии, радикализм, экстремизм.

Как и в 1980-е гг., для политической ситуации в развитых странах Евросоюза характерно разочарование в основных социальных и политических институтах, рост недоверия к их деятельности, усиление политической фрагментации, появле-

---

© **Шапаров Александр Евгеньевич** – д.полит.н., профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. **Адрес:** 163002. Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17. **E-mail:** teledvina@rambler.ru

Синькова Екатерина Владимировна – аспирант кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. **Адрес:** 163002. Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д. 17. **E-mail:** sinkova.ekaterina@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020182192>

ние новых и обострение старых политических проблем, усложнение каналов политической коммуникации [Betz, 1993: 413]. До 1980-х гг. правый радикализм в европейском политическом процессе стигматизировался как маргинальное явление, не пользующееся успехом у избирателей. Постепенный рост электоральной поддержки от 1% во второй половине 1980-х гг. до 15,4% в 2018 г. (данные индекса Timbro Authoritarian Populism Index) мы характеризуем как демаргинализацию правого радикализма в европейском политическом процессе. За последние 4 года возросла популярность праворадикальных партий (в 2014 г. их поддерживали 11,6% европейцев). Как видно из рисунка 1, в двух случаях – в середине 1990-х и в начале 2010-х гг. – наблюдалось сокращение электоральной поддержки праворадикальных партий, но в более долгосрочной перспективе кривая продолжает стремиться вверх.

Рисунок 1.

**Средняя доля голосов за праворадикальные партии в 33 странах Европы
1980-2018 гг. (%).**

Источник: Timbro Authoritarian Populism Index 2019. P. 19. URL: <https://populismindex.com/wp-content/uploads/2019/02/TAP2019C.pdf> (дата обращения: 20.03.2020).

Правый радикализм и популизм: сложность дефиниций

Среди отечественных исследователей европейских праворадикальных партий и движений следует упомянуть Т.Н. Андрееву, А.С. Бадаеву, И.Н. Барыгина, Г.И. Вайнштейна, П.В. Осколкова, С.В. Погорельскую, И.М. Узнародова, А.И. Тэвдой-Бурмули, В.Я. Швейцера и др. [Андреева, 2019; Бадаева, 2019; Вайнштейн, 2017; Осколков, 2018; Партии и движения, 2018; Швейцер, 2018; Шибкова, 2019].

В политической науке термин «правый радикализм» широко распространён, но у него отсутствуют четкие определения. Праворадикальными (far-right/hard-right) принято обозначать широкий спектр политических групп и партий, для которых

характерны ксенофобские, националистические, расистские и другие крайние взгляды. В некоторых случаях термин применяется к фашистам и неонацистам, хотя сторонники левых иногда используют термин, чтобы обозначить любую группу на правом политическом спектре, с которой они не соглашаются [Encyclopedia of Politics: 694]. В широком толковании к правым радикалам относят неофашистов, неонацистов, антикоммунистов и нативистов. Подобная трактовка правого радикализма контрпродуктивна в научном плане, зачастую политически мотивирована и не отражает реальности. В сформировавшемся после Второй мировой войны и по итогам Нюрнбергского процесса политическом дискурсе любое оправдание нацизма влечет за собой не только негативные политические последствия, но и в большинстве европейских стран уголовно наказуемо. Следует отделять политических сторонников националистических, правых консервативных взглядов, действующих в политическом и правовом поле, от фашистов и неонацистов, деятельность которых запрещена. На необходимость дифференциации праворадикальных партий и движений от неофашистских указывают и авторы отечественного учебника, посвященного проблемам европейского правого радикализма под редакцией профессора И.Н. Барыгина [Праворадикальные..., 2012: 59, 69].

Сложным, концептуально неопределенным, но при этом широко употребляемым термином выступает популизм. Вследствие политизации термин приобрел негативную коннотацию. В многочисленных научных публикациях спектр оценок популизма колеблется от угрозы либеральной демократии до его определения как политического мейнстрима гегелевским термином «дух времени» (populist Zeitgeist).

Первоначально популистскими обозначали политические силы, не поддающиеся идеологической идентификации. Стремление политических акторов всеми средствами увеличить электоральную поддержку также именуют популизмом. В этом значении популизм используется для стигматизации оппонентов как синоним политической демагогии. Причиной популизма как политического явления выступает кризис институтов представительной демократии, который ведет к увеличению разрыва между требованиями избирателей, с одной стороны, и действиями политической системы, с другой. Д. Альбертацци и Д. Макдоннелл определяют популизм как идеологию «добродетельных людей против элит и опасных «других», которые хотят лишить суверенный народ его прав, ценностей, процветания, идентичности и волеизъявления» [Albertazzi, 2008: 3]. Схожий взгляд на популизм как идеологию высказывает К. Мюdde: «Популизм – это идеология, рассматривающая общество разделенным на две антагонистические группы: «простых людей», противостоящих «коррумпированным элитам», и утверждающих, что политики должны выражать волю народа» [Mudde, 2007: 544].

Популизм как политическая технология – образ «человека с улицы», не связанного с истеблишментом, успешно используется не только радикалами, но и лидерами системных партий и главами государств. П.В. Осколков определяет популизм как политическую стратегию, направленную на достижение электоральных успехов и основанную на сочетании национализма, антиэлитизма, антиплюрализма (представления о народе как о гомогенной группе и о стремлении исключить «нарушителей») и самоотождествления с народной волей [Осколков, 2019: 15]. Отметим, что популизм выступает транснациональным феноменом – его рост характерен как

для стран либеральной демократии, так и для многочисленных вариантов гибридных политических режимов.

Правые радикальные партии: подходы к классификации

Отдельного внимания заслуживает классификация правых радикальных партий. К. Мюдде, подчёркивая их разнообразие, выделяет четыре критерия для возможной классификации: идеология, происхождение, долговечность (стабильность) и партийное членство [Mudde, 2016: 15]. Критерий идеологии выглядит размытым для отнесения партии к правым радикалам, поскольку под него подпадает и греческая «Золотая заря» с явным уклоном в неонацизм, и вполне неолиберальные британская Партия независимости и французский «Национальный фронт» (с 2018 г. – «Национальное объединение»). Критерий происхождения более важен, поскольку некоторые партии праворадикального спектра имеют экстремистские корни, например, «Шведские демократы». Третьим критерием классификации праворадикальных партий по Мюдде выступает их долговечность. С одной стороны, основанный полвека назад французский «Национальный фронт», с другой – партийно-однодневки, такие как «Список Пима Фортейна» и «Лига польских семей». Четвертая классификация по организационному критерию включает кадровые партии, например, Датскую народную партию, и массовые партии, например, Австрийскую партию свободы (FPÖ).

По нашему мнению, классификацию К. Мюдде можно дополнить тремя значимыми критериями, отражающими процесс демаргинализации правых радикальных партий: парламентское представительство, участие в правительстве, готовность к коалициям.

Представленность правых радикалов в парламенте на национальном и наднациональном уровнях, помимо легитимизации, дает им возможность пользоваться вертикальными каналами политической коммуникации. Отметим, что уже на протяжении нескольких десятилетий крайне правые политические силы представлены на общеевропейском уровне. Напомним, что первая фракция, объединявшая ультраправые партии в Европарламенте (ЕП) действовала с 1984 г. по 1989 г, просуществовав до 1994 г. Попытка крайне правых объединиться в 2007 г. в Европейском парламенте создав группу «Идентичность, традиция, суверенитет», оказалась неудачной. В восьмом составе Европарламента действовала фракция правых радикалов под названием «Европа наций и свобод», объединявшая 36 депутатов, что делало ее самой малочисленной. В девятом составе ЕП «Идентичность и демократия» стала четвертой по численности фракцией, объединив 76 депутатов. В 2018 г. в Германии AfD, став третьей по численности партией в бундестаге, тем не менее не вошла в правительство.

Демаргинализация правого радикализма: факторы и последствия

Праворадикальные партии в ряде европейских стран имеют значительную общественную поддержку (см. табл. 1).

Таблица № 1.

Европейские праворадикальные партии, представленные в национальных парламентах, 2012–2020 гг.

Страна	Название партии и аббревиатура	Процент на выборах и места в парламенте (год)	Предыдущий показатель
Австрия	Партия свободы ((FPÖ))	16,2% (31) 2019	26,0% (51) 2017
Беларусь	Либерально-демократическая партия (ЛДП)	5,4% (1) 2019	4,2% (1) 2016
Бельгия	«Фламандский интерес» (VB)	12,0% (18) 2019	3,7% (3) 2014
	Народная партия (PP)	1,1% (-) 2019	1,5% (1) 2014
Болгария	Атака (в 2017 в коалиции «Объединенные патриоты»)	(7) 2017	4,5% (11) 2014
Венгрия	«Йоббик» (JOBBIK)	19,3% (25) 2018	20,2% (23) 2014
Германия	Альтернатива для Германии (AfD)	12,6% (94) 2017	-
Греция	«Золотая заря» (XA)	2,9% (-) 2019	7,0% (18) 2015
	Греческое решение (EL)	3,7% (10) 2019	-
Дания	Датская народная партия (DF)	8,7% (16) 2019	21,1% (37) 2015
Испания	Голос (Vox)	15,1% (52) 2019 (II)	10,3% 24 2019(I)
Италия	Лига Севера ((LN))	17,4% (124) 2018	4,1% (18) 2013
Кипр	Национальный Народный Фронт (ELAM)	3,7% (2) 2016	1,1% 2011
Латвия	Национальный альянс (NA)	11,0% (13) 2018	16,6% (17) 2014
Нидерланды	Партия свободы (PVV)	13,0% (20) 2017	10,1% (15) 2012
Норвегия	Партия прогресса (FRP)	15,2% (27) 2017	16,3% (29) 2013
Польша	Движение Кукиза (K'15)	-	8,8% (42) 2015
	Конфедерация свободы и независимости (KONFEDERACJA)	6,8% (11) 2019	-
Португалия	«Достаточно» (Chega)	1,3% (1) 2019	-
Россия	ЛДПР	13,1% (39) 2016	11,7% (56) 2011
Сербия	Сербская радикальная партия (SRS)	2,1% (-) 2020	8,1% (22) 2016
Словакия	Народная партия - наша Словакия ((L'SNS))	8,0% (17) 2020	8,0% (14) 2016
Украина	Радикальная партия Олега Ляшко (RP)	4,0% (-) 2019	7,4% (22) 2014
	Всеукраинское объединение «Свобода» (SVOBODA)	2,2% (1) 2019	4,7% (6) 2014
Финляндия	«Истинные финны» (PS)	17,5% (39) 2019	17,6% (38) 2015
Франция	Национальное объединение (RN)	13,2% (8) 2017	13,6% (2) 2012
Чехия	«За свободу и прямую демократию» (SPD)	10,6% (22) 2017	-
	Рассвет-Народная коалиция (ÚSVIT)	-	6,9% (14) 2013
Швейцария	Швейцарская народная партия (SVP)	25,6% (53) 2019	29,4% (65) 2015
Швеция	«Шведские демократы» (SD)	17,5% (62) 2018	12,9% (49) 2014

Примечание. Составлено на основе данных: 2020 W. Nordsieck. Parties and Elections in Europe. URL: <http://www.parties-and-elections.eu/countries.html> (дата обращения: 04.09.2020).

Главным сюрпризом прошедших в мае 2019 г. выборов в Европарламент стал электоральный успех правых радикалов, которые лишь укрепили свои позиции (25% мандатов по сравнению с 20% в 2014 г.), а резко возросшая явка избирателей стала рекордной за последние 25 лет. Второй новеллой европейских выборов стало поражение крупных правоцентристских и левоцентристских партий, впервые в истории Европарламента получивших меньше половины депутатских мест (329 мест из 751). Третьей новостью стал успех экологических партий, который аналитики уже называли «зеленой волной». Отметим, что за год до выборов в Европарламент Стив Бэннон, бывший советник президента США Д. Трампа, попытался объединить европейские праворадикальные партии. Для этого в 2017 г. в Брюсселе был основан фонд «Движение», однако инициатива оказалась неудачной, вызвав разногласия среди европейских правых радикалов, опасавшихся американского влияния на европейскую политику.

Наибольшего успеха правые радикалы добились в Италии, Великобритании и Франции, где, однако, они получили голосов меньше, чем на предыдущих выборах в Европарламент. Усиление националистов и евроскептиков привело к формированию в ЕП в дополнение к разделению на «правые-левые» оси сторонников углубления интеграции и евроскептиков [Кавешников, 2020: 168].

Таким образом, граждане европейских стран в своем стремлении донести свои требования до истеблишмента, помимо акций протеста, все больше используют потенциал представительных институтов – парламентов и партий, находя среди последних альтернативу партиям мейнстрима.

Более сложный вопрос состоит в том, где проходит грань между «праворадикальными» и «правыми» консервативными партиями. По нашему мнению, в своей риторике и программно-идеологических документах представители современных системных партий, как консервативных, так и левоцентристских, вынуждены опираться на левый или правый варианты неолиберального дискурса как институализированный способ интерпретации и конструирования политической реальности. В западной политической философии обращают внимание на фундаментальное отсутствие электорального выбора между левоцентристскими и правоцентристскими партиями. Бельгийский политический философ Ш. Муфф в концепции «постполитики» констатирует появление в европейских странах эффекта согласия между мейнстримными партиями относительно безальтернативности неолиберальной повестки [The European, 2014]. Замена правоцентристского правительства левоцентристским не приводит к смене политики, а означает либо усиление, либо смягчение неолиберального курса. Ситуация «постполитики» характеризуется отсутствием реальной альтернативы на выборах и ростом абсентеизма. В настоящее время альтернатива, которую предлагают правые радикалы, политически неприемлема, экономически нежизнеспособна и зачастую отражает определенную форму ксенофобии. Тем не менее, считает Ш. Муфф, радикальные европейские партии и движения (как правые, так и левые) артикулируют стремление к переменам в политике.

Праворадикальная реновация консерватизма в условиях кризиса неолиберализма происходила путем «тихой контрреволюции» (термин итальянского политолога П. Игнаци) как комбинация социокультурного консерватизма и экономического протекционизма. Западными исследователями были выдвинуты четыре гипотезы, объясняющие успехи европейских правых радикалов: 1) идеологический кризис

неолиберализма; 2) увеличивающаяся радикализация и поляризация политики; 3) появление таких новых проблем, как безопасность и иммиграция; 4) увеличивающийся дефицит системной легитимации [Schain et al., 2002: 29]. Отметим, что именно «кризис доверия» к традиционным партиям выступает в качестве доминирующей причины роста популярности праворадикальных партий.

Партии, возглавившие «тихую контрреволюцию», изначально выступали с позиций евроскептицизма, критики правительственной иммиграционной политики и национализма. В современных условиях европейские праворадикальные партии активно дополняют свои программы экономической повесткой, включая вопросы регулирования рынка труда, социального и пенсионного обеспечения. Праворадикальные партии, в отличие от эстаблированных партий, фактически не защищают ценности свободного рынка (хотя и не отказываются от них), а скорее поддерживают систему государства благосостояния, но лишь для «своих людей». В то время как неолибералы исходят из первенства экономики, праворадикалы настаивают на первенстве национальной политики [Mudde, 2000: 178]. Многие праворадикальные партии продвигали неолиберальные лозунги защиты свободного рынка уже в 1980-х гг., когда основные системные партии стран Евросоюза осуществляли политику, основанную на принципах кейнсианства и государства благосостояния. В настоящее время праворадикалы защищают принципы экономической политики, которые традиционно связаны с левым спектром, такие как антиглобализм и протекционизм, сохранение государства благосостояния. Изменение экономической повестки праворадикальными партиями стало следствием пролетаризации их электората, формирования новой модели классового голосования в Западной Европе со ставкой на привлечение как избирателей из низшего и рабочего классов, аутсайдеров глобализации [Arzheimer, 2013: 79], так и представителей среднего класса, опасющихся потерять свой статус. В ситуации, когда левоцентристы (неолейбористы, социалисты) все более вовлечены в неолиберальный дискурс, европейские праворадикалы выдвигают требования защиты национального рынка труда, самостоятельности в формировании экономической политики, сохранения социальных гарантий для своих граждан. Недавнее исследование западных ученых на основе анализа данных из 18 западноевропейских стран за период 1985–2018 гг. показало, что растущая электоральная поддержка праворадикальных партий вынуждает системные партии корректировать свои позиции по социально-экономической политике в левую сторону [Krause, 2019]. В наибольшей степени этот эффект проявился у левых партий, вынужденных конкурировать за свой электорат с праворадикалами.

Таким образом, в современном европейском политическом дискурсе происходит борьба между неолиберализмом, продвигающим глобализационную повестку с экономической доминантой, мультикультурализм, наднациональное управление и леволиберальную трактовку прав человека, с одной стороны, и национальным консерватизмом, отстаивающим приоритеты безопасности суверенного государства, культурной идентичности и национальной экономики, с другой. В этом смысле, политические программы праворадикальных партий и движений в ряде случаев можно характеризовать как реновацию ценностей консерватизма в современных условиях.

Политический процесс в либеральных демократиях характеризуется смешением программно-политических и идеологических позиций партий и движений, которые можно объяснить эффектом институционального изоморфизма [Димаджио, Пауэлл, 2010]. В политической науке используется схожее понятие – «эффект заражения»

(contagion effect), впервые введенное М. Дюверже, который применил выражение «инфекция слева» (contagion from the left) в гипотезе, что массовый тип политической партии зарождается в левых партиях рабочего класса и позднее заимствуется правыми партиями из-за стремления увеличить свое представительство [Duverger, 1954: 26]. Современные исследователи указывают на «эффект заражения», который возникает вследствие электорального успеха праворадикальных партий (far-right contagion) [Rydgren, 2005: 417]. Данный феномен заключается в том, что эстаблированные европейские партии вынуждены перехватывать политическую повестку лидеров праворадикальных партий и движений. Критика мультикультурализма, евро-скептицизм и, в значительной мере, популизм более не служат маркерами радикалов, а характерны для лидеров развитых стран.

Идеологическая ригидность консервативной и социал-демократической повестки, которую традиционно предлагают в своих программах эстаблированные партии, ведёт к потере интереса со стороны избирателей и росту абсентеизма. Отечественные исследователи указывают на разные причины разрыва партий мейнстрима со своими избирателями: ««Мейнстримные» правые силы, доминируя в сфере экономического дискурса, социокультурную сферу полностью уступили левым, согласившись с правилами «политкорректности», защищавшими соответствующие леволиберальные интерпретации свободы и равенства» [Сергеев и др., 2017: 17]. К позитивным функциям, которые выполняют малые партии в политической системе развитых стран, следует отнести: актуализацию политической повестки путем включения в нее проблем, замалчиваемых эстаблированными партиями, укрепление принципа обратной связи между властью и обществом, мобилизацию потенциальных избирателей, прежде не участвовавших в выборах, повышение динамики политического процесса. Позитивной функцией малых партий выступает артикуляция узкоспециальных проблем (национализм, экологические, региональные, конфессиональные, миграционные и др.). Наконец, важной функцией малых партий выступает формирование перспективной политической повестки, предлагающей избирателям альтернативный образ будущего.

Истоки электорального успеха праворадикалов в 2010-е гг. исследователи видят в сложной констелляции факторов, одним из которых выступают изменения в социальной структуре наиболее развитых стран Евросоюза. На смену процессам пауперизации пришли процессы прекаризации. Происходит формирование нового класса – прекариата, лишённого традиционных гарантий рабочего места [Стэндинг, 2014]. Углубление социального неравенства влечет за собой рост популистских движений, лидеры которых обещают «вернуть» избирателям их голоса, которые были «конфискованы» элитами.

* * *

Размежевание с экстремистскими политическими силами, использование легальных методов достижения власти позволили праворадикальным партиям в конце XX в. стать частью европейского политического процесса. Их электоральные успехи в большинстве европейских стран в начале XXI в. объясняются комплексом факторов. Во-первых, кризисными явлениями в европейском политическом проекте, в частности, в диктате евробюрократии, не избираемой гражданами стран Евросоюза. Во-вторых, социо-экономическими тенденциями в обществах европейских стран,

процессами прекаризации, обострения конкуренции за рабочие места вследствие свободного движения рабочей силы внутри ЕС. В-третьих, кризисными социокультурными процессами, последствиями доминирования парадигмы мультикультурализма в иммиграционной политике, справедливость критики которой были вынуждены признать лидеры Великобритании, Франции и Германии в 2010 г. Выборы в Европарламент в мае 2019 г. подтвердили тенденцию демаргинализации правого радикализма, которая выступает частью запроса граждан на изменения в социальной, миграционной и других, чувствительных для общества направлениях государственной политики.

В настоящее время сложно судить о масштабах и последствиях проблем, созданных пандемией COVID-19 в 2020 г., но уже понятно, что в Евросоюзе на фоне кризиса европейских институтов и закрытия странами своих границ произошло возрастание национального уровня принятия политических решений и государственной дискреции. Следовательно, у евроскептиков, а на этих позициях стоят праворадикальные политики, возросли шансы на увеличение электоральной поддержки, которыми они спешат воспользоваться [Осколков, 2020]. Таким образом, происходящая в европейском политическом процессе демаргинализация правого радикализма на фоне кризисных явлений, вызванных пандемией, в ряде европейских стран вполне может перерасти в его ренессанс. Политическая повестка на национальном уровне во все более значительной мере будет формироваться под воздействием праворадикального националистического дискурса. Мы прогнозируем усиление «эффекта заражения» в партийных системах европейских стран, когда представители системных партий будут пытаться перехватить инициативу у праворадикалов, а те, в свою очередь, будут «снижать градус» радикализма, стремясь упрочить свое положение в политической системе. Это обострит проблему идеологической идентичности праворадикальных партий, приведет к появлению более радикальных политических движений, и, в конечном счете, придаст динамику европейскому политическому процессу.

Список литературы

- Андреева Т.Н. (2019) Праворадикальные популистские партии Великобритании и успех линии на Брекзит. *Мировая экономика и международные отношения*. Том 63. Выпуск № 3. С. 21–29 DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-21-29
- Бадаева А.С. (2019) Ультраправые в Швеции: от неонацизма к центру. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. Т. 12. № 4. с. 88–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105
- Вайнштейн Г.И. (2017) Современный популизм как объект политологического анализа. *Политические исследования*, № 4. С. 69–89. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>
- Димаджио П.Дж., Пауэлл У.В. (2010) Новый взгляд на «железную клетку»: институциональный изоморфизм и коллективная рациональность в организационных полях. *Экономическая социология*. Т. 11. № 1. С. 34–56.
- Кавешников Н.Ю. (2019) Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента. *Современная Европа*, № 2. с. 163–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019163175>
- Осколков П.В. (2018) Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала. П.В. Осколков, А.И. Тэвдой-Бурмули. *Вестник Пермского университета. Политология*, №3. С. 19–33.
- Осколков П.В. (2019) Правый популизм в Европейском союзе – RightWing Populism in the European Union: [монография]. П.В. Осколков. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 164.

Осколков П.В. (2020) Популизм и корона: как пандемия влияет на правопопулистские партии Европы? Аналитическая записка № 15, (№ 198). URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an198.pdf> (дата доступа: 04.09.2020).

Партии и движения политической альтернативы в современной Европе (2018): [сб. статей] Отв. ред. В.Я. Швейцер. Ин-т Европы РАН, Москва. С. 140.

Праворадикальные и правозкстремистские партии и движения в современной Европе (2012). Отв. ред. И.Н. Барыгин. Издательский дом «Петрополис», Санкт-Петербург.

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Петров К.Е. (2017) Политика “мейнстрима” и ее альтернативы в современном западном мире: на пути от мирового экономического кризиса к “невозможной политике”? *Полит. Политические исследования*. № 3, с. 8–29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. Ад Маргинем Пресс. Москва.

Швейцер В.Я. (2018) Австрийская партия свободы: путь во власть. *Современная Европа*. № 2. с. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22018105114>

Шибкова М.О. (2019) Популизм и евроскептицизм: соотношение понятий. *Современная Европа*, № 4. С. 119–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42019119128>

References

Albertazzi D., McDonnell D., eds. (2008). Twenty-first century populism, the specter of western European democracy. New York: Palgrave Macmillan.

Andreeva T.N. (2019) Pravoradikal'nye populistskie partii Velikobritanii i uspekhi linii na Brekzit. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. Tom 63. Vypusk №3, pp. 21–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-21-29

Arzheimer, K. (2013) Working Class Parties 2.0? Competition between Centre Left and Extreme Right Parties. In: Class Politics and the Radical Right. Ed. Rydren, Jens. London, New York: Routledge, pp. 75–90.

Badaeva A.S. (2019) Ul'trapravye v Shvecii: ot neonacizma k centru. *Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo*. T. 12. № 4, pp. 88–105. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-4-88-105

Barrygin I.N., ed. Pravoradikalnyye i pravoeckstremistskiye partii i dvizheniya v sovremennoy Evrope (2012). Izdatelskiy dom «Petropolis», S-Petersburg.

Betz H.-G. (1993), Radical Right-Wing Populist Parties in Western Europe, *Comparative Politics*, Vol. 25, No. 4, pp. 413–427.

Carlisle R.P., ed. (2005), Encyclopedia of Politics: The Left and the Right. Volume 2: The Right. Thousand Oaks, California. Sage Publications. P. 694.

Dimadzhio P.Dzh., Pauell U.V. (2010) Novyy vzglyad na «zheleznuyu kletku»: institutsionalnyy izomorfizm i kollektivnaya ratsionalnost v organizatsionnykh polyakh. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. T. 11. № 1, pp. 34–56.

Duverger M. (1954). Political Parties. N.Y.: Wiley.

Kaveshnikov N.YU. (2019) Vliyaniye transformatsii partijno-politicheskogo prostranstva Evrosoyuza na organizatsiyu i funkcionirovaniye Evroparlamenta. *Sovremennaya Evropa*, № 2, pp. 163–175. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22019163175>

Krause W., Giebler H. (2019): Shifting Welfare Policy Positions: The Impact of Radical Right Populist Party Success Beyond Migration Politics, Representation, DOI: 10.1080/00344893.2019.1661871. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/00344893.2019.1661871> (accessed: 12.06.2020).

Mudde C. (2007). Populist Radical Right Parties in Europe. Cambridge: Cambridge University Press.

Mudde C. (2000). The ideology of the extreme right. Manchester: Manchester University Press.

Mudde C. (2016). The Study of Populist Radical Right Parties: Towards a Fourth Wave. C-REX Working Paper Series, no. 1. University of Oslo. URL: <https://www.yumpu.com/en/document/view/55959254/the-study-of-populist-radical-right-parties-towards-a-fourth-wave> (accessed: 18.04.2018).

Oskolkov P.V. (2018) Evropejskij pravyy populizm i nacionalizm: k voprosu o sootnoshenii funktsionala. P.V. Oskolkov, A.I. Tevdoy-Burmuli. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*. № 3, pp. 19–33.

Oskolkov P.V. (2019) Pravyy populizm v Evropejskom soyuze – RightWing Populism in the European Union : [monografiya] P.V. Oskolkov. In-t Evropy RAN, Moscow. P. 164.

Oskolkov P.V. (2020) Populizm i korona: kak pandemiya vliyaet na pravopopulistskie partii Evropy? *Analiticheskaya zapiska № 15, (№ 198)*. URL: <http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an198.pdf> (accessed: 04.09.2020).

Partii i dvizheniya politicheskoy al'ternativy v sovremennoy Evrope (2018) Parties and Movements of Political Alternative in Contemporary Europe: [sb. statej] Otv. red. V.Ya. Shvejcer. In-t Evropy RAN. Moscow. P. 140.

Rydgren J. (2005). Is extreme right-wing populism contagious? Explaining the emergence of a new party family, *European Journal of Political Research*. № 44, pp. 413–437. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6765.2005.00233.x>.

Schain M., Zolberg A., Hossay P., eds. (2002). *Shadows over Europe: the development and impact of the extreme right in Western Europe*. N.Y.: Palgrave.

Sergeyev V.M., Kazantsev A.A., Petrov K.E. (2017) Politika “meynstrima” i eye alternativy v sovremennom zapadnom mire: na puti ot mirovogo ekonomicheskogo krizisa k “nevozmozhnou politike”? *Polis. Politicheskije issledovaniya*. № 3, pp. 8–29. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.02>

Stending G. (2014) *Prekariat: novyy opasnyy klass*. Ad Marginem Press. Moscow.

Shvejcer V.Ya. (2018) Avstrijskaya partiya svobody: put' vo vlast'. *Sovremennaya Evropa*. № 2, pp. 105–114. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22018105114>

Shibkova M.O. (2019) Populizm i evroskepticizm: sootnoshenie ponyatij. *Sovremennaya Evropa*, № 4, pp. 119–128. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope42019119128>

The European (2014). Populism is a necessity. Conversation by Julia Korbik with Chantal Mouffe. URL: <http://en.theeuropean.eu/chantal-mouffe--3/7859-fighting-right-wing-populism-in-europe> (accessed: 15.04.2018).

Vajnshtejn G.I. (2017) Sovremennyy populizm kak ob"ekt politologicheskogo analiza. *Polis. Politicheskije issledovaniya*, № 4, pp. 69–89. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.04.06>

The Resurgence of the Radical Right in European Policy

Received 10.04.2020

Authors: **Shaparov A.** Doctor of Sciences (Political), Professor, the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences to the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. **Address:** Severnaya Dvina Emb. 17, Arkhangelsk, Russia; 163002. **E-mail:** teledvina@rambler.ru

Sinkova E. postgraduate student, the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences to the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. **Address:** Severnaya Dvina Emb. 17, Arkhangelsk, Russia; 163002. **E-mail:** sinkova.ekaterina@gmail.com

Abstract. This article analyzed the rise of far-right political parties and movements in the most developed European countries - Germany, France, Sweden, Austria, Denmark, Italy, the Netherlands, Norway as well as in the Visegrád Group. The current direction of the political and social development of those major European states shows great resemblance to the 1980s. The political framework is defined by escalating disappointment in social and governmental institutions, growing political fragmentation and increasing complexity of political communications. Under such circumstances radical right parties firmly secured their presence in the national parliaments and enhanced it over the last decade. Alongside their electoral success on the supranational level, it indicates significant alterations in the European political landscape. A new reality is being built while the right radicalism strives to demarginalize itself with its high adaptivity to the essential political institutions. The article analyzed causes and consequences of the ongoing changes. It suggested a new angle to assess the present radical right's policy effects. Proceeding from the neo-institutional approach it provided an insight into the key assumptions of radical right, far-right contagion and institutional isomorphism, while outlining the electoral dynamics and distribution of the radical right parties and assembling the concepts of their classification.

Key words: Far-right contagion, radical right parties, radicalism, political extremism, Europe's political landscape.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope52020182192>